

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н50

Разработка серийного оформления
В.Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *С.Дудина*

Немченко, Александр Владимирович.
Н50 Контакт / Александр Немченко. — Москва : Эксмо,
2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-109264-1

XXII век. Человечество пережило тяжелейшую войну с роботами, к которой привело бурное развитие искусственного интеллекта. Теперь люди избрали иную парадигму, совершенствуя свой организм с помощью генных модификаций. Человек как вид процветает и активно исследует космос.

В один прекрасный день исследователи обнаруживают инопланетный корабль на спутнике Юпитера – ледяной Европе. Туда отправляют группу ученых, политиков и военных, чтобы попытаться установить контакт с инопланетянами. Путешествие по загадочному кораблю таит множество неожиданностей, которые заставят героев задуматься о том, что процветание и мирное существование – это ценности, за которые надо бороться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109264-1

© Немченко А. В., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Огромная космическая станция, сверкающая, словно новогодняя елка, тысячами огней, зависла над гладким и белым, как бильярдный шар, большим спутником Юпитера — Европой. Если взглянуть чуть левее, можно увидеть край самого Юпитера. На песчаного цвета поверхности хорошо различимы завихрения и полосы. Сложно даже представить невероятную мощь ураганов, бушующих на этом газовом гиганте.

— Алексей, долго будешь любоваться? Твой ход.

Я оторвался от изображения, проецируемого на стенку и создающего иллюзию огромного обзорного окна. На самом деле космический корабль — это огромная глухая жестяная банка. Иллюминаторы были признаны небезопасными, и вместо них на внешней стороне обшивки стали устанавливать камеры, изображения с которых проецируются на стенки кают. Исследования нескольких видных психологов показали, что вот такие импровизированные иллюминаторы помогают людям легче переносить космические путешествия.

— Мы уже прилетели, так что не успеем доиграть, — сказал я, подходя к стеклянному столику, стоящему посреди каюты.

— Ничего, залетать в ангар будем еще минут десять, а мне до победы осталось два хода.

Черт, как же надоела его привычка сообщать, когда он победит! И если в начале путешествия меня забавляла такая самоуверенность, то сейчас, когда во всех сыгранных партиях Кшиштоф ни разу не ошибся в прогнозе, эта его манера уже дико раздражала. Я глянул на шахматную доску, мои губы расплзлись в улыбке. Ага, похоже, на этот раз он ошибся. Неосмотрительно поставив шах ферзем, он подставился под удар моего коня.

— Вижу, под конец полета мне все-таки удастся тебя победить.

Схватив коня, я лихо сбил ферзя с доски, самодовольно улыбнулся и только в этот момент увидел хитрый огонек в глазах соперника. Я почувствовал неладное, но было уже поздно. Его ладья смела коня, поставив шах, и все, что мне оставалось, — это уйти в сторону, а разгром довершил слон.

— Шах и мат, — объявил Кшиштоф.

Я поднял взгляд. По другую сторону столика застыл высокий широкоплечий мужчина. Он торжественно улыбался. У него густая рыжая борода и усы, а также лысая, как коленка, голова. С этой его улыбкой он больше похож на какого-нибудь пирата семнадцатого века, нежели на знаменитого астрофизика. Кшиштоф Вуйчик — мой сосед по каюте и будущий коллега по экспедиции на Европу.

Я откинулся на стуле, голографическое изображение шахматной доски исчезло. До чего же дошли технологии! Изображение шахматной доски и фигурок было таким, что не отличишь от настоящих, да и передача тактильных ощущений на столь вы-

соком уровне, что кажется, будто я и вправду беру в руки настоящую фигурку. До сих пор чувствую прикосновение деревянной текстуры к кончикам пальцев.

— Еще партию?

— Нет, хватит с меня на сегодня, — устало улыбнувшись, отказался я.

Кшиштоф пожал плечами, поднялся из-за стола.

— Пойду тогда возьму себе попить. Тебе что-то захватить?

— Апельсинового сока, если можно.

Когда дверь каюты с легким шипением закрылась за астрофизиком, я вновь перевел взгляд на проецируемое на стену изображение. Спутник уже не видно, обзор закрыла станция. Вот огромная дыра — вход в ангар, но скоро она уйдет из обзора, так как корабль повернется к ней носом. Чтобы увидеть вход, придется включать изображение с передних камер.

И что же меня заставило покинуть уютную Землю и полететь в такую даль — к Юпитеру? Огромный гонорар? Возможность каких-то немислимых открытий?

Когда две недели назад мне позвонили и предложили отправиться в экспедицию на Европу, нужно было сразу отказаться. Но в тот момент я поинтересовался, почему они обратились именно ко мне, ведь имеется множество микробиологов и получше. На что собеседник ответил, что меня порекомендовала Валентина Хань.

После этих слов я уже не смог отказаться. Встреча с Валентиной волновала едва ли не сильнее, чем перспектива открытий на Европе. Однако какие мо-

гут быть открытия на этом ледяном шаре с толщей воды в виде мантии? Обнаружение примитивных микроорганизмов? Нет, несомненно, открытие жизни где-то еще помимо Земли — вещь великая, но не настолько волнующая, как встреча с бывшей женой.

Раздалось шипение, на пороге появился Кшиштоф. В здоровенных, как пара лопат, ладонях зажато по маленькому стаканчику. Ну, это только кажется, что они маленькие, на фоне таких-то лапищ.

Поставив стакан с соком передо мной, он последовал к шкафчику. Свои вещи я собрал еще полчаса назад, а вот Кшиштоф, похоже, из тех людей, кто предпочитает собираться в последние минуты. Отпив томатного сока, он поставил стакан на маленький столик рядом с койкой и начал не спеша складывать вещи.

— Внимание, мы прибываем на станцию Исследователь-12, — раздался мелодичный женский голос.

— А ты не выглядишь взволнованным, — заметил Кшиштоф.

Я глянул на здоровенного астрофизика. Он сноровисто уложил одежду в сумку, нажал на небольшую кнопку, и края сумки словно слиплись, став единым целым. Я слышал, лет сто назад в начале двадцать первого века сумки закрывали с помощью приспособления, которое называли молнией. Не случись лет семьдесят назад мирового кризиса, наверняка технологии сейчас продвинулись бы далеко вперед, и никаких сумок с одеждами вообще не было бы. Хотя тогда и мир бы был совсем иным, и я не уверен, что он был бы таким прекрасным, как сейчас.

— А почему я должен быть взволнован?

— Как же? Нас ждет удивительная экспедиция! Когда мы обнаружим наш доклад, мы совершим прорыв в будущее! — воскликнул он. Глаза Кшиштофа сияют, он даже задышал часто, а лицо покраснелось. — Постой, только не говори мне, что ты не в курсе.

— В курсе чего? — спросил я, почувствовав неладное. Похоже, я подписался на нечто большее, чем изучение микроорганизмов, которые собираюсь отыскать под ледяной коркой Европы.

— Так ведь в толще льда Европы нашли гигантский космический корабль!

Мы с Кшиштофом неспешно сошли с трапа. Как и на корабле, на станции есть искусственная сила тяжести, а если быть точным, то гравитационный каркас. Внутри гравитация схожа с земной, но в целом станция по своему влиянию на внешние объекты остается прежней. Создающий гравитационный каркас прибор довольно прожорлив в плане потребления электричества, но правительство считает, что здоровье и комфорт — это самое важное. Тем более что в настоящее время, когда в космических кораблях для выработки электрической энергии используют ядерные реакторы, принцип экономии не ставится во главу угла. Помню, как недавно проходила прямая трансляция с закрытия последней теплоэлектростанции. Теперь в промышленных масштабах электричество вырабатывается всего тремя способами: на атомных электростанциях, древних плотинах с гидроэлектростанциями и на термоядерных электростанциях. Последние актив-

но строятся только на Земле и Марсе. Все-таки термоядерные реакторы пока слишком громоздки для использования в космосе. А вот ядерные реакторы делают достаточно компактными, и парочка таких легко поместилась на корабль, в котором мы прилетели.

Ангар выглядит пустовато. Только в дальнем углу расположилась пара транспортников. Вход в ангар открылся, и нам навстречу вышла группа людей в рабочих комбинезонах. Я наконец отвлекся от мыслей, появившихся после слов Кшиштофа, потому что среди встречающих заметил знакомое лицо...

Поверх рабочей одежды у нее белый халат. Я сразу заметил ее — Валентину Хань. Невысокая девушка — несмотря на свои тридцать девять лет, выглядит она лет на двадцать — двадцать пять. Ее прическа изменилась с последней нашей встречи: русые волосы подстрижены — стрижка каре ей очень идет. Наши взгляды встретились, я на миг почувствовал, что не могу сопротивляться притяжению ее темных глаз. С трудом отвел взгляд, по ее губам скользнула улыбка.

— С прибытием, господа Вуйчик, Большаков.

Вперед выступил высокий мужчина с гладко выбритым волевым подбородком и светлыми кудрявыми волосами. Леонид Дашкевич, начальник станции. Выглядит как молодой мужчина, и не скажешь, что ему почти пятьдесят. Вообще за последние два десятилетия, после серьезных прорывов в генной инженерии, понятие «старик» исчезло. Потому что исчезла сама старость. Теперь двадцатилетний парень и семидесятилетний мужчина выглядят одинаково молодо.

— Здравствуйте, Леонид, — произнес с улыбкой Кшиштоф и пожал протянутую руку.

Я тоже поздоровался, избегая взгляда Валентины.

— Это главный инженер Вадим Крутиков и начальник охраны Альфред Шмит.

Двое мужчин поклонились. Оба чернявые, со слегка восточными чертами лица, явно кто-то из предков был с Ближнего Востока. Если бы не разные фамилии, их можно было бы принять за братьев — даже улыбки похожи.

— Наш историк, археолог, языковед и этнограф — Валентина Хань.

Мое сердце чуть дрогнуло, когда пришлось пожать ее руку. Расстались мы не по причине того, что охладели чувства, а скорее из-за работы. Валентина постоянно была в разъездах. И просто однажды решила, что наш брак не имеет перспектив. Ее предложение тогда поразило меня как громом, я даже не смог найти доводов против.

— Господа, прошу задержаться, с минуты на минуту должен прибыть корабль с Марса, — внезапно произнес Леонид.

— Вы пригласили кого-то еще?

— Нет, это приказ от правительства, — вместо начальника станции ответил Альфред Шмит. Его лицо скривилось так, словно он принял горькое лекарство. — Как будто нашей охраны не хватает.

— А в чем дело-то? — невинно поинтересовался Кшиштоф.

— Нам пришлют полицейский спецназ, — пояснил Шмит.

— Внимание, приближается корабль. Просьба освободить посадочную площадку, — раздался мелодичный голос.

Я глянул в сторону посадочной площадки ангара. Все корабли влетают через один проход, но он не закрывается никогда. У несведущего человека может возникнуть вопрос, почему же тогда вакуум космоса не высасывает весь воздух из ангара? Ответ прост: мощная гравитационная мембрана. Корабль и что-то плотное сквозь нее пройдет легко, а вот воздух — нет. К тому же мощная искусственная гравитация, имитирующая земную, также не позволяет воздуху покидать пределы станции.

В темноте космоса появился силуэт корабля, он легко прошел через мембрану, как сквозь мыльный пузырь, плавно вплыл в ангар и опустился на палубу рядом с кораблем, на котором прилетели мы.

— Я тут слышал в последних новостях, что на Марсе опять активизировались «свидетели первого контакта», — как бы невзначай произнес Кшиштоф. — Странно, что при таких обстоятельствах спецназ посылают к нам.

«Свидетели первого контакта» — по сути, реинкарнация религиозной секты. В наше время религия исчезла как таковая и о ней стали забывать, но вот лет двадцать назад один из сильнейших псиоников организовал свой культ и назвал его «Свидетели первого контакта». Я не особо разбираюсь в этой религии, но, говорят, там много псиоников. И если раньше культ вел мирные проповеди, то потом они стали более агрессивными. Теперь эта организация признана опасной и запрещена. А не так давно начали погибать чиновники и главы администраций,

видные ученые и просто популярные ведущие, что в свое время выступали за запрет организации «Свидетели первого контакта». И пусть доказательств того, что их смерти не случайны, а являются целенаправленным убийством, нет, в сети ползут слухи, что это работа неосектантов.

Тем временем трап опустился. Из корабля спешно четким шагом вышли бойцы спецназа. Я почему-то ожидал, что они выйдут в полном снаряжении, в боевых скафандрах и при оружии, и потому был слегка разочарован, увидев их в обычной одежде с сумками на плечах.

— Десять бойцов и офицер, — буркнул Кшиштоф, уже успевший посчитать.

Леонид Дашкевич двинулся вперед, следом за ним начальник охраны и главный инженер, я же застыл на месте, глядя на одного из спецназовцев. Он стоит с краю, самый последний в строю. Ничем особо не отличается — невысокий шатен, по габаритам самый скромный в сравнении с остальными бойцами. Но все же в нем есть одна отличительная черта — фиолетового цвета радужка глаз, выдающая в нем псионика.

Леонид представил нас с Кшиштофом только офицеру отряда, бравому капитану Луи Бастьену. Он высокий, со слегка смуглой кожей, отличается пронзительным взглядом зеленых глаз. А затем нас перехватил Альфред Шмит. Сначала проинструктировал о мерах безопасности: куда ходить можно, куда не следует. Затем провел по станции, показал, где находятся отсеки, душевые комнаты, спортзал,

столовая, лаборатории и командный центр, а потом, попрощавшись, удалился.

Как я успел понять из рассказа начальника охраны, станция рассчитана на содержание до сотни человек, но сейчас на ней не больше двух десятков плюс почти полтора десятка новоприбывших. Помимо спецназовцев и меня с Кшиштофом, на станции некоторое время побудут капитаны кораблей, доставивших нас. Их разместили в отдельном отсеке, после пары дней отдыха они улетят со станции.

Раньше станция находилась над Титаном — крупнейшим спутником Сатурна. И тогда она была забита под завязку разными исследователями. Сейчас же большая часть специалистов разлетелась по лабораториям писать отчеты об экспедиции, изучать полученные данные и тому подобное. Станция же переместилась к Европе, так что спустя полгода, когда все данные, полученные на Титане, были бы уже обработаны, а ученые отдохнули, то они должны были прибыть на станцию и начать так же планомерно изучать Европу. Но внезапно один из дронов зафиксировал странный сигнал, пробивающийся сквозь толщу льда. Более подробное сканирование показало, что на глубине в двести метров в толще льда есть огромный объект искусственного происхождения. Срочно отправленная группа людей со станции, с трепетом произведя раскопки, обнаружила огромный космический корабль.

Было принято решение срочно сформировать группу исследователей. Когда подбирали микробиолога, то благодаря рекомендации Валентины Хань выбор пал на меня.

— Пойду закину вещи, приму душ и спать. Что-то я устал за этот перелет, — произнес Кшиштоф. — До завтра, Алексей.

— Пока, Кшиштоф, — попрощался я.

Проводив астрофизика взглядом, я направился к своему спальному месту. В отличие от спецназовцев, которым выделили общее спальное помещение, нам, ученым, достались персональные отсеки.

Войдя в свой, я обнаружил пусть и небольшую, но уютную комнату. Своя душевая кабинка, небольшой шкафчик для одежды, односпальная кровать, уже застеленная белым покрывалом и простыней. Справа от кровати программируемый проектор, что проецирует изображение на стену. Можно включить федеральные новости, а можно просто сделать подобие окна с видом на полянку, залитую светом, или выставить изображение с внешних камер и взирать на черноту космоса через «иллюминатор». Хотя если учитывать расположение комнаты, то камера должна показывать Юпитер.

Я уселся на постель, думая о событиях последних дней. Все это — спонтанная экспедиция, прибытие спецназа и в общем компания, в которой мне предстоит работать, — несколько напрягает. Нет, общество Кшиштофа, пусть чертяка такой и обыграл меня пятнадцать раз подряд, меня вполне устраивает, да и сотрудники станции мне симпатичны, но вот соседство со спецназом и тем более с псиоником оставляет неприятные чувства. И дело даже не столько в парнях-спецназовцах, сколько в причине, по которой потребовалось везти на станцию спецназ. Если сюда привели такую военную силу, то вмерзший в лед инопланетный корабль не совсем